

Военное
Детство

М. ЕФЕТОВ

ДЕВОЧКА ИЗ СТАЛИНГРАДА

с 1933 г.

Марк Семенович Ефетов
Девочка из Сталинграда
Серия «Военное детство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69487645

Девочка из Сталинграда:

ISBN 978-5-08-007018-1

Аннотация

Пятьдесят восемь дней (сентябрь – ноябрь 1942) бойцы Красной армии под командованием гвардии сержанта Якова Павлова обороняли жилой четырехэтажный дом. Пройдя пол-Европы, фашисты не смогли сделать 14 шагов, чтобы захватить этот дом. И с этого момента война повернулась вспять: советские войска начали наступление.

Именно из подвала дома Павлова была спасена маленькая Света. Она осталась жить в полку, так как попытки найти ее родных, увы, оказались безрезультатными. Когда окончилась война, девочка видела, как отстраивался родной Сталинград, как взрослые, сменив гимнастерки на штатскую одежду, возвращались к мирным, жизнестроительным профессиям.

«Девочка из Сталинграда» – рассказ-панорама, повествующий о переломном моменте в истории Великой Отечественной войны, о судьбе тех детей, ради которых воевали, отдавая жизнь, советские солдаты.

Содержание

От автора	5
1	6
2	12
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марк Семёнович Ефетов

Девочка из Сталинграда

© Ефетов М. С., наследники, 1958

© Ребров Ю. П., иллюстрации, 1960

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023

От автора

Нет, должно быть, города на земном шаре, который так, как Сталинград, заставлял бы вспоминать проклятое слово «война». И в то же время с именем героического Сталинграда связываем мы счастливое слово «мир».

В Сталинграде я был в дни Великой Отечественной войны и в дни мира. Здесь я видел дом, от которого войну повернули обратно: от Волги – на Берлин. Четырнадцать шагов перед этим домом были последними шагами, которые враг не смог сделать по нашей земле. Здесь же, в нескольких шагах от врагов, провела два месяца маленькая девочка без фамилии, по имени Света.

О ней, о городе-герое Сталинграде, о доме, который носит имя сержанта Павлова, я рассказал в этой книжке.

Когда фашисты ворвались в Сталинград, каждый дом был превращен в крепость. Бывало, в первом этаже засядут враги, а со второго этажа их бьют наши. Ворвутся фашисты в прихожую, а наши стреляют в них из кухни.

Бились не только за каждую улицу и за каждый квартал, но за каждый дом, за каждую квартиру, за каждую комнату. Был приказ: «Не подпускать к Волге фашистов! Сталинград врагу не сдавать!» Над городом висела пыль, смешанная с дымом.

Рвались снаряды и бомбы, поднимая тучи земли, мусора, песка, штукатурки. Домá рушились, тряслись мостовые и тротуары, будто во время землетрясения. Днем было темно от гари, дыма и пыли, а ночью то и дело вспыхивали огни, и становилось светло от прожекторов, ракет и разрывов.

В один из таких тяжелых дней сержанта Павлова вы звал командир полка. Командир сидел, склонившись над планом города. На плане были помечены одним цветом дома, занятые фашистами, и другим цветом – дома, которые оборонялись нашими. А между этими цветными крестиками на карте стоял дом, ничем не помеченный. На него-то и показал острием карандаша командир полка.

– Разведайте, что происходит в этом четырехэтажном доме на Пензенской улице! – сказал он сержанту Павлову.

Приказ был коротким, ясным и точным. Как всякий приказ. Но, прежде чем отдать этот приказ, командир многое обдумал и взвесил.

Нет большей опасности, чем идти в разведку, не зная, враг ли, друг ли ждет тебя. А в четырехэтажном доме, расположенном напротив командного пункта, была полная неизвестность: наши ли там или фашисты? Стрелять нельзя было, но в то же время каждая дверь могла таить за собой смерть, каждая половица могла взорваться, любая стена – обрушиться.

Кто, не боясь смерти, сумеет проверить этот дом, а по том, если удастся, взять на себя оборону этого дома и удержать его во что бы то ни стало?

Перед полковником стоял человек чуть ниже среднего роста, с виду не сильный, самый что ни на есть обычный. Полковник знал: получив приказание, сержант Павлов не будет задавать вопросов, а тут же повторит приказ и скажет: «Есть!»

Так оно и было.

– Есть разведать, что происходит в четырехэтажном доме! – ответил Павлов, взяв под козырек.

Полковник поднялся, подошел с сержантом к ступенькам, ведущим из командного пункта наверх; прощаясь с Павловым, крепко сжал его руки своими большими ладонями:

– Желаю удачи, Яков. Понятно?

– Понятно, товарищ полковник.

Лишних слов сержант Павлов говорить не любил.

Через минуту Павлов полз по разбитому и вывороченному асфальту, точно медленно плыл в густой, темной воде. Было сумрачно и как бы туманно.

В пяти шагах от Павлова ползли трое солдат, которые вместе с ним отправились в разведку. Но они не видели своего командира – так плотно вечерние сумерки и дымный туман прикрывали разведчиков. Их маскировочные халаты сливались с развороченной мостовой, закопченными тротуарами и дымно-серым воздухом.

Так, скрытые темнотой, приползли разведчики к четырехэтажному дому. Прислушались. Где-то за несколько кварталов отсюда хлопала выстрелы, а здесь была тишина.

Солдаты подползли к Павлову, и все вчетвером бесшумно спустились в подвал первого подъезда. Пролети здесь муха – можно было бы услышать шум ее крыльев. Разведчики и двигались и дышали совершенно беззвучно.

Но – чу! – в доме кто-то есть. За дверью подвальной квартиры Павлов услышал звук. Что это? Не то ветер в оконной раме свистит, не то стонет или сопит во сне человек...

Сержант поднял руку, и солдаты застыли, будто превратились в статуи. Слегка пригнувшись, Павлов приложил ухо к двери. И тут он ясно услышал, что это не ветер, а человек, который чуть слышно мурлыкал себе под нос:

Баю-бай,
Баю-бай!
Испеку я каравай.
Баю-бай,
Баю-бай,
Баю-бай!..

Где-то невдалеке ухнуло, зашуршала осыпающаяся штукатурка, и снова стало слышно, как напевает женщина, укачивая ребенка.

Колыбельная песенка? Здесь, в этом доме? Не почудилось ли?

Сержант взглянул в щелочку и увидел женщину. Раскачиваясь из стороны в сторону, она напевала:

«Баю-бай...» «Похоже, что наша», – подумал Павлов.

Когда разведчики вошли в комнату, женщина вскрикнула, нагнулась над ребенком, прикрыв его собой, но тут же подняла голову. На глазах у нее были слезы:

– Наши! Родные мои!

– Тсс... – Павлов приложил палец к губам. – Где они?

– Тут. Рядом. Во втором подъезде...

Ребенок во сне застонал, и мать пригнулась к нему, укачивая и снова напевая:

– Баю-бай! Баю-бай... Спи, доченька. Спи, Светочка... – Потом женщина посмотрела на Павлова и на солдат и сказала шепотом, протянув руку к стенке: – Фашисты там, в такой же вот нижней квартире. Боюсь выйти... Убьют...

– Сидите пока здесь! – сказал Павлов женщине. Он поднял руку с автоматом и обернулся к своим товарищам: – За мной!

В это время девочка проснулась и огляделась с испугом. Павлов увидел большие светлые глаза. Уже на лестнице он услышал, как она плакала.

Женщине с ребенком сержант в тот момент ничего не сказал, но, может быть, подумал, что раз она боится, то никуда из этого подвала не уйдет. «Вот разделаемся с фашистами, вернемся в подвал и поможем женщине».

2

Павлов и его товарищи выползли из первого подъезда. Вокруг было тихо и темно. Но где-то совсем близко притаился враг.

Павлов не знал, сколько фашистов встретит его во втором подъезде. Но приказ командира он уже выполнил – выяснил, что один из подвалов этого дома занят врагом. Казалось, что теперь можно было бы отправиться назад и доложить полковнику о выполнении задания. И командир, склонившись над картой, поставил бы цветной крестик на квадрате, который изображал четырехэтажный дом: «Дом занят врагом».

«Занят? Это мы еще посмотрим!» Павлов со своими товарищами переполз из первого подъезда во второй, вышиб дверь, за которой слышны были голоса гитлеровцев, и прямо с порога забросал комнату ручными гранатами. Блеснул ярко-белый свет.

Казалось, что рушатся стены, воздух как бы уплотнился штукатуркой, щебнем, дымом и приторным запахом взрывчатки.

В комнатах загрохотало, загремело, зазвенело...

Прикрывая глаза от пыли, шурясь и чихая, сержант и его товарищи ворвались в квартиру, держа автоматы перед собой. Три гитлеровца были убиты наповал, а остальные – сколько их было – выскочили в окна, не приняв боя.

Теперь надо было прочесать весь дом – осторожным шагом, на цыпочках, с автоматом наготове, с указательным пальцем на курке, со щупом впереди.

Этим щупом проверяют, не ждет ли тебя, притаившись, мина, оставленная врагом.

Шаг за шагом, квартира за квартирой, этаж за этажом прочесывали Павлов и его товарищи дом до самой крыши. Гитлеровцев больше нигде не оказалось. Можно было возвращаться в подвал первого подъезда, где осталась женщина с девочкой. Павлов так и сделал.

Ни маленькой Светланы, ни ее мамы там не было.

«Зря ушла, – подумал Павлов. – Убьют ведь. И ребенок погибнет. Как помочь им теперь?»

Не знал Павлов, как ждала его возвращения сюда, в подвал, эта женщина, которая пыталась спасти своего ребенка, унести его из горящего города. Она слышала взрывы гранат, которыми Павлов забросал квартиру в соседнем подъезде. А потом стало тихо – совсем тихо. Сержант и его солдаты не возвращались в подвал. Они в это время прочесывали большой четырехэтажный дом, однако делали они это совсем бесшумно. И кто знает, могла ведь подумать женщина: придут ли они? Что произошло во втором подъезде? Удалось ли нашим расправиться с фашистами? Вот отворится дверь – и войдут. А кто войдет? Кто победил в поединке в соседнем подъезде?

Такие мысли, должно быть, заставили женщину вы ползти

из подвала, не дождавшись возвращения Павлова. Она ползла к Волге. Острые углы вывороченных асфальтовых плит царапали и будто хватали за ноги. А в это время фашисты уже били по дому на Пензенской из минометов.

В подвале, где засел наш сержант с солдатами, слышно было, как рушатся потолки и стены верхних этажей в тех квартирах, где только что осторожно шагали Павлов и его товарищи.

Комнаты и балконы, лестницы и подъезды превращались в груды дымящихся кирпичей.

Артиллерийский огонь по дому усиливался с каждой минутой. Дом, из которого его вышибли, враг хотел забрать обратно или начисто стереть с лица земли.

В ту ночь началась оборона этого четырехэтажного дома на Пензенской улице.

Сержант не вернулся на командный пункт. Одного из солдат он отправил к своему командиру – сообщить, что фашистов в доме нет, что он, Павлов, принял на себя обо рону и просит прислать ему подкрепление.

Солдаты, присланные в подкрепление Павлову, притащили миномет, пулеметы, патроны, гранаты, продукты и полевую радиостанцию.

В узкие щели, оставленные в окнах, сквозь которые Павлов следил за местностью, видно было, как ползут к дому гитлеровцы, подтягивают за собой пулеметы и минометы.

Сотни раз атаковали фашисты дом, который во всех до-

несениях, в сводках и в корреспонденциях теперь так и назывался: «Дом Павлова». В сплошном дыму, в пыли и в огне дом этот не был виден, но из подвального этажа все время шли позывные:

«Я – „Маяк“! Я – „Маяк“! Я – „Маяк“!» «Маяк» – это было условное название рации дома, который оборонял Павлов. Сержант сообщал по радио нашему командованию, что он крепко держит оборону и фашистов близко не подпускает.

Однако фашисты были совсем рядом. И все же ближе двадцати шагов Павлов гитлеровцев не подпускал. Фашисты уже били по дому не из орудий, даже минометы им были ни к чему – они забрасывали дом ручными гранатами и кричали в голос, без рупора:

– Рус, сдавайся!

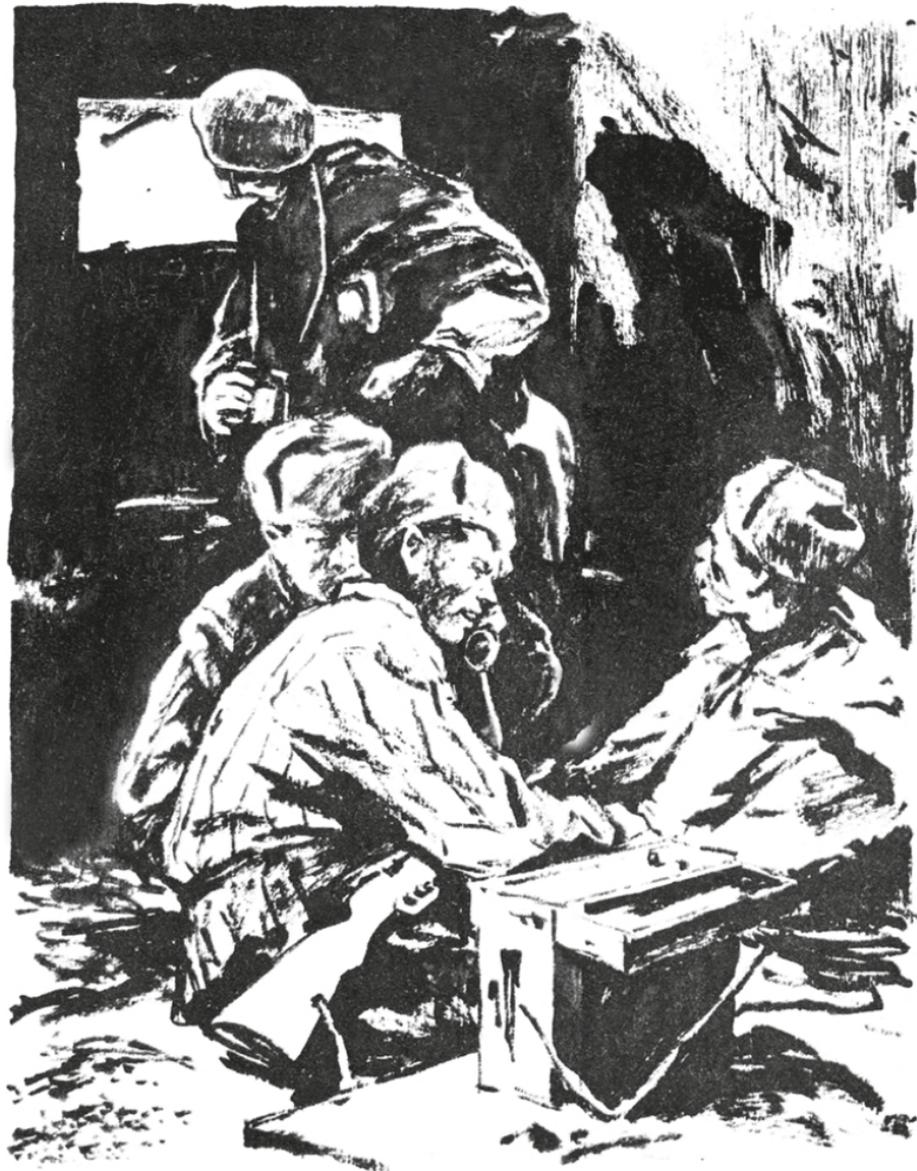
Многие солдаты были ранены, но дом не сдавали. Ранен был и сам сержант Павлов. Однако фашистам от этого легче не стало. Дорого обходился им каждый шаг по нашей земле! Они прошли миллионы шагов. А вот теперь и десять шагов сделать не смогли. Выдохлись.

3

Напротив дома, который защищал Павлов, ближе к реке, был командный пункт полковника Кубанова, тоже расположенный в подвале разрушенного дома.

Командный пункт полковника Кубанова был на самой передовой линии Сталинградского фронта. Только небольшая площадь отделяла его от фашистов. До войны здесь был сквер, росли маленькие, привезенные с севера голубые елочки. В летнее время в самом центре сквера была площадка для малышей, зимой – снежная гора, с которой ребята скатывались на санках.

Теперь всю площадь изрыли снаряды и бомбы. Каким-то чудом уцелела одна маленькая елочка. Солдаты полковника Кубанова знали не только, сколько веток на этом дереве, но, пожалуй, каждую иголку на ветке – так внимательно следили они за площадью.

Каждый квадратный сантиметр земли на этой площади был на прицеле.

Достаточно было заметить, что кто-то появился на площади – скажем, в квадрате семь, – как отдавалась команда: – Квадрат семь – огонь!

И сразу же пули ложились точно в том месте, где был обнаружен враг. Ничто живое – ни воробей, ни мышь – не могло появиться здесь незамеченным.

И вдруг вечером наблюдающий из нашего командного пункта увидел на площади темное пятно. Что это? Пятно движется, ползет, приближается – медленно, но неуклонно. Неужели через площадь ползет человек? Это казалось невероятным. Ведь площадь минирована, и в любой момент человек может взлететь на воздух. К тому же она простреливалась с двух сторон, и в любой момент может быть открыт огонь – прицельный, точный, прямой наводкой, в упор.

Наблюдающий чуть прищурился, приблизив глаза к стеклам бинокля. Сомнений не было: по площади полз человек да еще тащил что-то, прикрывая своим телом.

– Человек на площади! – пронеслось по всему командному пункту.

Солдаты приготовили минометы, пригнулись к пулеметам, взяли в руки гранаты.

Вот-вот, с секунды на секунду, должна была прозвучать команда: «Огонь!»

«Кто ползет? – подумал Кубанов, немолодой уже человек

с белыми висками и усталым лицом. – Кто это на площади: враг или друг? Не пойдет же враг на верную смерть! Как же быть? Надо решать. Немедленно! Война...» Все эти мысли промелькнули у него в голове в одну секунду, а в следующую секунду полковник поднял руку, чтобы, рубанув ею воздух, отдать команду...

А через площадь все ползла и ползла женщина, толкая перед собой по земле ребенка и прикрывая его своим телом.

Так может сделать только мать.

Вокруг было темно и тихо. Но эта темнота и эта тишина были неверными, ненадежными. Скрытые глаза следили за женщиной, и, может быть, откуда-то неслышно, тихо уже целились в нее, ждали только, чтобы она подползла поближе. И тогда...

Мать подталкивала ребенка, стараясь все время прикрывать его собой. Она лежала, чуть приподнявшись на коленях и опираясь на локти, чтобы не придавить девочку: если начнут стрелять, попадут в нее, и она собой, как броней, защитит дочку от пуль.

Может быть, при этом она все же думала так:

«Наши по мне стрелять не будут. А если меня обнаружат фашисты, то увидят же они, что ползет женщина с ребенком! И может быть, они пожалеют ребенка...»

Женщина ползла очень медленно, все время оглядываясь и прикрывая собой маленькую девочку. Если высывалась маленькая рука или нога девочки, мать прикрывала ее своим

телом от смерти, как, бывало, раньше прикрывала одеялом от холода.

И в это время со стороны фашистов высоко в небе взвилась яркая белая ракета. Она повисла в воздухе, будто фонарь. Да эту ракету так и называют – «фонарь». Выброшенная вверх или сброшенная с самолета ракета раскрывает маленький парашютик и, медленно опускаясь на нем, освещает землю белым, мертвенным светом целую минуту, а то и больше.

На этот раз ракета фашистов ярко осветила человека на площади, и стало видно, что это женщина, которая ничком лежит на земле, закрыв собой ребенка. А вокруг, освещенные, как театральные декорации, высились огромные изломы обрушившихся домов, крыши, вздыбленные к черному небу, опрокинутые танки и – совсем неестественная среди всего этого – маленькая елочка.

Полковник Кубанов на мгновение зажмурился. Черная тень лежала перед женщиной, которую ярко осветила ракета фашистов. Мгновенно, как озаренное молнией, Кубанов увидел ее лицо – мокрое, испуганное, с волосами, выбившимися из-под платка. И еще увидел Кубанов светлую челку над большими светлыми глазами девочки.

– Внимание! Не стрелять! Женщина! Ребенок! – пронеслось по всему нашему командному пункту.

Солдаты части полковника Кубанова сжимали приклады автоматов и рукоятки пулеметов. Как помочь женщине? Как

спасти девочку?

Она лежала в нескольких шагах, ярко освещенная. Вот-вот ее расстреляют, изрешетят пулями... А спасти ее, помочь ей нельзя. На командном пункте стало так тихо, что полковник Кубанов слышал, как под кителем стучит его сердце. Женщину на земле было далеко видно: в подвалах разрушенных домов, в траншеях, в воронках, превращенных в огневые точки, – отовсюду следили за ней. Но следили по-разному. Наши – со страхом за ее жизнь. А фашисты... Фашистская ракета-фонарь продолжала обливаться женщиной резким, режущим глаза светом. И ничем нельзя погасить этот свет, ничем нельзя укрыть женщину, никак нельзя спрятать ее от врагов...

Спрятанной от света и огня была только девочка. Мать обняла ее со всех сторон, укрыла, как бы укутала собой. На руке полковника тикали часы, отсчитывая секунды, и ему казалось, что тикают они слишком медленно. Тишина прорвалась сразу. Затарахтели, точно залаяли, пулеметы и автоматы гитлеровцев. Захлопали минометы. Черное небо прострочили яркие трассирующие пули. Потом светящееся многоточие опустилось к земле. Фашисты стреляли по женщине и по ребенку...

Погас фонарь, почернела площадь. Можно было подумать, что сразу сбросили черный, непроницаемый для глаз занавес.

Солдаты и офицеры Кубанова стояли тесно вокруг свое-

го полковника. И никто не решился первым произнести хоть слово. Только спустя некоторое время, когда глаза, ослепленные светом ракеты, стали чуть привыкать к темноте, наш наблюдающий сказал:

– Женщина – там!

И тут же по всему командному пункту понеслось:

– Она – там!

Люди повторяли друг другу эти слова, не видя ничего перед собой. Только зоркий глаз наблюдающего различил силуэт лежащей женщины. Но и он видел очень плохо. Ведь яркая ракета ослепила всех своим белым светом, и теперь перед глазами была только чернота ночи. Этим-то и решил воспользоваться полковник Кубанов. Еще семь-восемь минут будет действовать это ослепление ракетой. Надо использовать это небольшое время, когда враги, может быть, не увидят, что делается на площади. Надо действовать решительно и, главное, как можно скорее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.